

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original article

Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения¹

© А.Г. ДРУЖИНИН, О.В. КУЗНЕЦОВА

Дружинин Александр Георгиевич, Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), Институт географии РАН (Москва, Россия), alexdru9@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1642-6335

Кузнецова Ольга Владимировна, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия), kouznetsova_olga@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4341-0934

Постсоветские социально-экономические трансформации в сочетании с трендами депопуляции вывели на авансцену национальной повестки проблему «сжатия» (селитебного и хозяйственного) освоенного российского пространства. В условиях перехода к новому миропорядку этот вопрос требует системного осмысления и учета, в том числе в рамках федерального стратегирования пространственного развития. Представлен анализ ретроспективы, идентифицированы присущие современной России основные факторы, тенденции и ареалы «сжатия» освоенного пространства. Продемонстрированы возможности и обоснованы конкретные направления купирования данного процесса, минимизации его негатива. Показано, что социально-экономическое «опустынивание» обширных периферийных территорий сопряжено с хозяйственно-технологическими, демографическими и социокультурными изменениями. Осмыслен, в том числе критически, советский опыт реконструкции сети сельских населенных пунктов в Нечерноземье, обсуждены его уроки применительно к современным реалиям. Сформулированы предложения по учету феномена «сжатия» освоенного пространства в новой Стратегии пространственного развития России. В частности, предложено сместить мониторинговые и регулятивные акценты на муниципальный уровень.

¹ Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Funding. The research is done under the grant of the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00180 “Multivariety of determinants and trends of economic dynamics of Russian municipalities: conceptualization, identification and typologization in the interests of state regulation of spatial development”) at the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: сжатие освоенного пространства, депопуляция, урбанизация, экономика, муниципальные образования, пространственное развитие, федеральное регулирование, Россия

Цитирование: Дружинин А.Г., Кузнецова О.В. (2024) Проблема «сжатия» российского освоенного пространства и пути ее решения // *Общественные науки и современность*. №4. С. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094, EDN: ZGSJDO

The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution

© A. DRUZHININ, O. KUZNETSOVA

Alexander G. Druzhinin, North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), alexdru9@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1642-6335

Olga V. Kuznetsova, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), kouznetsova_olga@mail.ru. ORCID: 0000-0003-4341-0934

Abstract. Post-Soviet socio-economic transformations combined with prevailing depopulation trends have brought the problem of shrinkage (residential and economic) of the active Russian space to the forefront of the national agenda. Now, in the context of the transition to a new world order, this problem requires systematic reflection and consideration, including within the framework of federal spatial development strategy. The history of said phenomena is analyzed. The main factors, as well as trends and areas of shrinkage of the active space in Russia are identified. Specific directions for curbing this trend and minimizing its negativity are shown and justified. The stable correlation between socio-economic “desertification” of vast peripheral territories and economic, technological and socio-cultural changes is demonstrated. The Soviet experience (in relation to the Non-Chernozem region) of the reconstruction of the network of rural settlements is comprehended (including critically), its lessons are discussed in relation to modern realities. It is proposed to take into account the phenomenon of shrinkage of the active space in the new Spatial Development Strategy of Russia, including shifting monitoring and regulatory accents to the municipal level.

Keywords: shrinkage of the active space, depopulation, urbanization, economy, municipalities, spatial development, federal regulation, Russia

Citation: Druzhinin A.G., Kuznetsova O.V. (2024) The Problem of Shrinkage of the Active Space in Russia and the Possibilities of its Solution. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 114–127. DOI: 10.31857/S0869049924040094, EDN: ZGSJDO (In Russ.)

Для современной России все более значимой и актуальной становится тематика пространственного развития (фундаментальная, по самой сути своей – обществоведческая, междисциплинарная). Весомым подтверждением тому служит активная, зачастую критическая дискуссия, которая развернулась в экспертном сообществе в связи с разработкой Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года (СПР). Документ вступил в действие в 2019 г.² и уже в 2021–2022 гг. подвергся множественной коррек-

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями и дополнениями). Гарант. (<https://base.garant.ru/72174066/>).

ции. Бурно обсуждается новый аналогичный документ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., который сейчас находится в разработке³.

Полноформатное, адекватное современным условиям обновление СПР неизбежно окажется сопряжено с углубленным интересом к тенденции, обозначаемой в научной литературе как социально-экономическое «опустынивание» территорий [*Лексин* 2021]. Это явление, которое в расширительной содержательной тональности также обозначают как «сжатие освоенного пространства», повсеместно проявляется в постсоветской пространственной динамике российского общества [*Ливоваров* 1997; *Трейвиш* 2010].

Термин «сжатие» имеет разные трактовки, о чем будет сказано ниже. В данной статье под «сжатием» освоенного пространства имеется в виду, прежде всего, устойчивая долговременная тенденция сокращения степени населенности и хозяйственной активности той или иной территории, которая несет негативные риски для общества. Эта проблема полимасштабна, но наиболее остро она проявляется в сельской местности, где «сжатие» доходит до полного исчезновения населенных пунктов. Этот процесс привлекает особенное внимание в силу того, что дальнейшее сокращение сельского населения может ухудшить условия для развития сельского хозяйства, которое играет решающую роль в продовольственной безопасности и экспорте страны. Поэтому данная работа концентрируется именно на «сжатии» сельского пространства, а также на мерах по преодолению этого негативного процесса как в селах, так и в малых городах.

Цель статьи – раскрыть основные проявления и причины «сжатия» освоенного пространства в России, показать возможности и обосновать стратегические направления его купирования, минимизации негатива.

«Сжатие» освоенного пространства в современной России: факторы, тенденции, ареалы

Российское пространство (11,5% от мировой суши и 32% от площади Евразии) отличается не только уникальная обширность, сохраняющаяся даже после распада СССР, но и чрезвычайно слабая освоенность как в селитебном, так и в хозяйственном отношении. Российская Федерация, территориальная организация которой представляет «архипелаг редких центров в океане периферии» [*Трейвиш* 2009, 348], более чем в 6 раз уступает среднемировому показателю по плотности населения – еще в 1990 г. разрыв был лишь четырехкратным. Государство также в 3,4 раза отстает от среднего показателя по плотности экономической активности (согласно данным Всемирного банка о ВВП по ППС за 2022 г.)⁴. Характерно также, что в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах степень демографической «наполненности» пространства еще ниже: она уступает среднемировой в 14 и 45 раз соответственно. Одновременно в России доля пространств «дикой природы» составляет 59,8% [*Бочарников* 2016], а на 2/3 ее территории [*Лола* 2005] отсутствует постоянное население. Данный прореженный и асимметричный социально-экономический конструкт столетиями формировался в рамках парадигмы расширения и, соот-

³ Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии о стратегии пространственного развития России. Правительство РФ. 23 мая 2024 г. (<http://government.ru/news/51655/>).

⁴ World Bank Open Data (<https://data.worldbank.org>). Именно низкая плотность населения выступает одной из объективных предпосылок для процессов «сжатия» освоенного пространства, поскольку чем ниже плотность населения, тем выше необходимые (в расчете на душу населения) затраты на создание и поддержание дорог, линий электропередач, на доставку товаров до потребителей. Когда у государства отсутствуют достаточные средства на инфраструктуру, население мигрирует в более густо заселенные и потому более комфортные для жизни районы, что еще больше ограничивает возможности ведения бизнеса на периферийных территориях.

ветственно, «освоения» российского пространства. В подобном политико-хозяйственном и культурно-ценностном контексте (исторически обусловленном и географически мотивированном) любого рода проявления «опустынивания» территорий («депопуляция», «вымирание деревень» [Лексин 2021], «ненаселенность» [Королёв 2022] и т.п.) знаменуют безусловный нисходящий тренд. Они представляют собой общенациональный вызов, проблемную ситуацию.

«Обезлюдивание» обширных территорий в различных формах имело место и в прошлом. Так, значительное количество поселений пришло в запустение в эпоху опричнины и Смутного времени [Дегтярёв 1980]. Существенные демографические (от четверти до половины населения) и хозяйственные потери понесли западные регионы РСФСР в период Великой Отечественной войны [Города... 2021]. Однако именно со второй половины XX в., когда страна достигла фактического пика своего геополитического влияния [Суций, Дружинин 1994], а импульс к расширению освоенного пространства начал затухать [Нефедова 2010], феномен «сжатия» не только начал проявляться, но и под воздействием совокупности факторов обрел значительный масштаб.

В соответствии с преобладающими в XX в. трендами индустриализации и урбанизации, сперва возрастающая и территориально расползающаяся деструкция стала проявляться в сельской местности. До 1917 г. 75% населения России было занято в сельском и лесном хозяйстве; в 1940 г. – уже 54% [Ковалёв 2013]. Согласно данным Росстата, к 1995 г. этот показатель сократился до 14,7%, а к 2023 г. – до 6,1%. Повышение эффективности сельского хозяйства и рост производительности труда в этом секторе лишают сельских жителей привычных рабочих мест, а также сильно ограничивают возможности товарного сельского хозяйства за пределами территорий с наиболее благоприятными агроклиматическими условиями.

Испытывая нарастающие структурные изменения на фоне стремительно разрастающейся сети городов (а также связанных с ними видов экономической деятельности), сельское пространство уже с 1950-х гг. стало сжиматься «в отдельные ареалы (очаги), а между ними возникла социально-демографическая пустыня» [Нефедова 2010, 132]. Изначально эта тенденция начала проявляться в Нечерноземье, регионах Русского Севера. Только за 1979–2021 гг. количество сельских населенных пунктов сократилось со 177 047 до 127 373 (если не учитывать 1033 таковых в Крыму) – практически на треть. Соответственно, на протяжении этого периода Россия лишалась 1,2 тыс. сельских населенных пунктов за год в среднем. В то же время, если в Архангельской и Вологодской областях 29% сельских населенных пунктов учтены как «без населения» (данные переписи 2021 г.), то в Ростовской области таких было менее 3%.

Значимым импульсом «сжатия» стали распад СССР и постсоветские экономические трансформации, из-за которых резко возросла «перенаселенность» восточных и северных территорий страны не только в сельской местности, но и в целом. В результате произошел массовый отток ранее локализованного там населения и, соответственно, депопуляция. Так, за 1989–2023 гг. численность жителей в Мурманской области сократилось в 1,74 раза, в Архангельской – 1,63, в Магаданской – в 4 раза, на Камчатке – 1,75, Чукотке – в 3,3 раза.

Дополнительным фактором для «сжатия» освоенного пространства стала депопуляция, которая в постсоветский период охватила подавляющую часть регионов страны. Характерно, что под ее воздействием демографо-экономическую эрозию начала ощущать и сеть городов (табл. 1), многие из которых также лишились части хозяйственных функций в первые постсоветские годы (ведущий отечественный геоурбанист Г.М. Лаппо уподобил новую реальность «урбанистической трагедии» [Lanno 2019]).

Таблица 1

Изменение численности населения России за 1960–2021 гг.*

Table 1

The change in the population of Russia in 1960–2021*

Временные диапазоны	Изменение численности населения, раз			Изменение удельного веса горожан в населении, %
	Все население	Городское население	Сельское население	
1970/1960	1,16	1,51	0,76	с 53,5 до 62,1
1980/1970	1,06	1,19	0,85	с 62,1 до 69,6
1990/1980	1,07	1,13	0,93	с 69,6 до 73,6
2000/1990	0,99	0,98	1,02	с 73,6 до 73,1
2010/2000	0,97	0,98	0,96	с 73,1 до 73,6
2021/2010**	1,01	1,02	0,95	с 73,6 до 74,7

** Без учета Республики Крым и г. Севастополь

Источник: Росстат.

Source: Rosstat.

Негатив в основном затронул численно превалирующие малые и средние города – в особенности периферийные, удаленные от ведущих городских агломераций территории (эта ситуация подробно проанализирована в [Карачурина, Мкртчян 2013]). В результате возникла угроза уже непосредственно для ключевых компонентов опорного каркаса расселения на субрегиональном, муниципальном уровне («вторые» и «третьи» города региона, центры муниципальных районов и др.), а также опять активизировалась сельская депопуляция (в силу снижения доступности всех связанных с городами услуг для сельских жителей). Симптоматично, что за последний межпереписной период (2010–2021 гг.) на карте России обозначилось еще более 5,3 тыс. сельских населенных пунктов, в которых нет постоянного населения. Всего таковых сейчас насчитывается 25 тыс. Еще в 52,6 тыс. сел (т.е. 41% от общего количества сельских населенных пунктов с каким-либо населением) постоянно живет не более 25 чел., т.е. в своей массе они также обречены на исчезновение в ближайшие годы.

Реальная перспектива дальнейшей депопуляции России⁵ в матрице сложившихся пространственных центрo-периферийных градиентов (с соответствующими перетоками населения) позволяет воспринимать «сжатие» освоенного пространства как устойчивую и долговременную тенденцию. Ее необходимо учитывать при формировании подходов в области пространственного развития. Весьма ценен в этой связи советский опыт, его позитивные и негативные аспекты, а также возможность его имплементации в условиях современной Российской Федерации.

⁵ Демографический прогноз. Федеральная служба государственной статистики. (<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>).

Отечественный опыт противодействия «сжатию» освоенного пространства: подходы и уроки

Противостоять тенденции социально-экономического «опустынивания» той или иной территории возможно, лишь признав эту реальность, распознав ее причинность и выбирая те или иные адаптивные, компенсационные управленческие приоритеты и решения. В данном контексте интересно осмыслить советскую практику (и связанный с ней научный дискурс) в области реконструкции («управляемого сжатия») сельских территорий РСФСР (в частности Нечерноземья) в 1960–1980-х гг.

Проблематику «умирания» российских деревень начали обсуждать еще в начале 1950-х гг. [Алексеев 1988]. Спустя десять лет [Хорев 1988] начала формироваться идея укрупнения сети сельских населенных пунктов, которую в тот период воспринимали как «прогрессивную тенденцию» [Ковалёв 1962]. Их дифференцировали на «неперспективные», жителей которых предполагалось организованным образом переселить, и «перспективные», рассматриваемые в качестве будущих мест концентрации населения и бенефициаров господдержки⁶. Характерно, что подобный подход в целом себя не оправдал. Стабилизировать сельское население не удалось; поток мигрантов из сельских местностей (особенно «неперспективных») возрос, и лишь 2-3% от его объема организовано переселились в «перспективные» поселения [Хорев 1988, Смирнов и др. 2020].

Среди причин неэффективности (и практической безрезультатности) подобного рода политики ее современники [Хорев 1988] выделяли, прежде всего, явно недостаточную обоснованность разделения сельских населенных пунктов на «перспективные» и «неперспективные». К последним нередко относили вполне жизнеспособные поселения: например, большая часть «неперспективных» населенных пунктов Тверской области продолжает существовать и ныне [Смирнов и др. 2020]. Кроме того, административные ограничения для развития «неперспективных» сел зачастую вводили еще до завершения обустройства «перспективных» (что и приводило к миграции не в них, а в города); отсутствовали адекватные установки по развитию инфраструктуры и в целом комплексность подходов; недостаточно учитывался потенциал решения проблем сельской местности за счет увеличения транспортной связанности сельских поселений друг с другом и близлежащими к ним городами. Однако сейчас, на временной дистанции от тех событий, видятся и иные, более общие причины и уроки (со знаком «минус») селитебных и хозяйственных подходов, примененных в Нечерноземье.

В первую очередь следует указать на неизбежность, предопределенность эволюции территориально-хозяйственной и селитебной системы, акцент на которой уже делали [Лексин 2021]. Эту тенденцию сложно административно «переломить» или повернуть вспять – но к ней можно (и нужно) приспособливаться, а также учитывать ее в вопросах пространственного развития.

Также важно понимать, что селитебно-миграционный выбор индивида будет зачастую ориентирован не на ближайшие села и деревни, а преимущественно на города, в том числе дальние и крупные.

Третий важный аспект заключается в том, что крайне нежелательно произвольно ускорять любого рода переустройство территориальной организации общества. Необходим баланс между инерцией и новациями, а также разумной (но не чрезмерной) государственной активностью.

⁶ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.03.1973 № 206 «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Четвертое – в пространственном развитии следует учитывать фундаментальные хозяйственно-технологические и социокультурные изменения (повышение значимости городов, ценности городского образа жизни и др.). Нельзя уповать лишь на упрощенные экономические подходы и резоны. Последними, в частности, объясняли строительство в сельской местности многоквартирных домов [Ковалёв 1962], однако данная мера не способствовала закреплению в ней населения. Не предотвратил миграцию в урбанистические центры и практически достигнутый в 1980-е гг. паритет зарплат в городах и на аграрных предприятиях [Безруков 2006].

Наконец, ситуация в Нечерноземье позднесоветского периода также демонстрирует, что проблему сельских территорий нельзя решать в изоляции, вне увязки с системой городов, в том числе крупнейших. К оценке «перспективности» того или иного населенного пункта (не только сельского, но и городского) необходимо подходить предельно взвешенно: важно учитывать потенциал и эффекты сопряженности поселений, степень их взаимозависимости, позитивные стороны единства. В данном контексте среди ведущих отечественных экономико-географов в 1980-е гг. стало утверждаться понимание того, что необходимо выстраивать некую «единую» систему расселения, которая будет нацелена «на “равноправное”, координированное развитие всех типов поселений в рамках определенных локальных и региональных систем расселения» [Агафонов и др. 1982, 538]. В третьем десятилетии XXI в. данный подход оказывается все более созвучен с установками на межтерриториальную интеграцию [Бухвальд, Кольчугина 2019; Коломак и др. 2018; Лаженцев 2021], в связи с которыми в самом понятии «сжатие освоенного пространства» четче просматривается конструктивный посыл, а не только его изначальная содержательная двойственность. Так, еще Н.Н. Колосовский понимал пространственное «сжатие» как приближение [Колосовский 1932], снятие барьеров, сокращение времени и иных издержек доступности.

Возможности и пути воспрепятствования дальнейшему «сжатию» российского освоенного пространства

«Сжатие» российского освоенного пространства давно привлекает внимание исследователей, однако в силу сложности проблемы решения ее пока не обнаружены. Возможные варианты государственной политики в отношении «сжатия» пространства хорошо сформулировали российские исследователи Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш [Нефедова, Трейвиш 2020]: 1) не делать ничего, так как оно не влечет за собой дополнительного вреда, но и улучшения ситуации в российских реалиях не будет; 2) ускорять «сжатие», что сохраняет средства за счет укрупнения населенных пунктов, но часто повышает проблемность теряющих население территорий; 3) тормозить «сжатие», что зачастую бывает довольно затратно; 4) искать и поддерживать любую возвратную волну, под которой авторы имеют в виду дачное освоение территорий. Исследователи считают два последних варианта наиболее привлекательными.

Как представляется, предложенные подходы необходимо развивать и дополнять. Дачное освоение представляет собой лишь один из вариантов возвратного освоения сельской местности, причем он свойственен по большей части жителям только крупнейших городов – Москвы и Санкт-Петербурга. В других городах, даже миллионниках, стремление жить в индивидуальном доме вполне можно осуществить в черте города или в ближних к нему пригородах, тогда как материально позволить себе два равноценных по качеству жилья – квартиру и дом – может гораздо меньшая доля населения.

Более того, правильнее говорить не о возвратных волнах, а об официальном признании того, что у многих граждан существует два и даже больше постоянных, более-менее рав-

ноценных мест проживания, что может привести к соответствующим институциональным решениям. Множественность мест проживания может возникать по самым разным причинам, дело не только в дачах. Массовым явлением (масштабы которого, впрочем, сложно оценить однозначно) стало отходничество и вахтовый метод работы, в рамках которых люди выезжают на заработки без ежедневного возвращения домой. Граждане без стационарного рабочего места (например, таксисты), которые работают дистанционно или в смешанном режиме, а также пенсионеры могут иметь недвижимость в разных регионах и перемещаться между ними. Эта особенность касается не только самых обеспеченных слоев населения: так, у детей или, наоборот, родителей может быть недвижимость в регионе, отличном от места официальной регистрации.

У такой многодомности могут быть самые разные причины. Одни стремятся жить в более комфортных условиях, чаще всего природных. Другие работают в разных регионах. Третьи – и таких, скорее всего, большинство – хотят найти более высокооплачиваемую работу (или даже просто работу) без возможности или желания сменить основное место жительства (из-за высокой стоимости жилья по месту работы, стремления жить в собственном доме, социальных связей в родном населенном пункте и др.).

Официальная статистика такую многодомность не учитывает даже в рамках переписей населения. Тем более ее не рассматривают при принятии решений о развитии инфраструктуры, социальных услугах, распределении средств между бюджетами территорий. В частности, можно указать на давно обсуждаемую проблему зачисления (хотя бы частичного) налога на доходы физических лиц по месту жительства, а не работы граждан, которая пока не нашла решения. На сегодняшний день весь НДФЛ как работающих дистанционно, так и отходников попадает в бюджеты тех населенных пунктов, где находится их место работы – т.е. преимущественно крупнейших городов. Сельские территории и малые города, в свою очередь, остаются без соответствующих доходов. Повышение бюджетной обеспеченности могло бы увеличить привлекательность небольших населенных пунктов для жизни, что помогло бы сократить отток населения и привлечь инвесторов.

Другой, не менее важный вопрос – можно ли, учтя недостатки советского опыта, практиковать «управляемое сжатие» на локальном уровне, чтобы сохранить освоенность сельской местности в целом. Важно принимать во внимание, что с развитием автопрома при условии наличия качественных дорог связность пространства повышается: сейчас преодолеть 90 км можно за то же время, что несколько десятилетий назад 60 км. Соответственно, сеть сельских населенных пунктов может быть более разреженной даже при сохранении общей площади освоенного пространства. Кроме того, надо учитывать и инновации в технологиях сельскохозяйственного производства [Аверкиева 2012], которые тоже вполне допускают концентрацию населения.

Основной вопрос в данном случае заключается в том, можно ли поддержкой переезда в крупные сельские населенные пункты из малых умирающих сохранить население в сельской местности, а не спровоцировать миграцию в крупные города. Ответ на него требует глубоких междисциплинарных исследований, поскольку он во многом затрагивает психологию людей.

Против такого подхода говорит уже существующий опыт. Вместе с тем, миграция в крупное село может оказаться привлекательнее переезда в город, если будет поддержана финансово. Например, можно выделять бесплатные земельные участки, выдавать льготную ипотеку, строить социальное жилье в формате индивидуальных домов. Одновременно граждане смогут сохранить свои социальные связи (не надо будет уезжать далеко) и привычный образ жизни. Так, одной из признанных ошибок советского опыта была поддержка переезда в многоквартирные дома, что сельские жители воспринимали

негативно из-за нарушения привычного для них сельского уклада жизни и утраты возможности иметь личное подсобное хозяйство. В наши дни технологии позволяют благоустроить частные дома не хуже многоквартирных.

В любом случае, инфраструктурные объекты неизбежно концентрируются в более крупных селах. Эта тенденция уже нашла отражение в распоряжении Правительства РФ о развитии опорных населенных пунктов⁷. Решение, по всей видимости, неизбежное, однако, как и в советское время, ключевой вопрос заключается в том, как их определять. В [Маркварт и др. 2022] продемонстрировано, что в регионах подошли к решению задачи формально, отнеся к данной категории преимущественно районные центры, не учитывая их доступность для жителей других сельских населенных пунктов.

Федеральные решения по опорным населенным пунктам также не принимают во внимание дифференциацию российских регионов по особенностям сложившейся системы расселения, трендам ее трансформации и объективным условиям дальнейшего развития. Даже если не рассматривать Арктическую зону РФ с ее очаговым характером заселения и малой долей сельского хозяйства, разница между северными, нечерноземными и южными регионами будет очень существенной (что было показано, например, в [Ускова, Патракова 2021]).

Вместе с тем однозначным базовым условием для позитивного «сжатия» пространства (повышение связности территорий) выступает развитие дорожного строительства. Развитию автодорог федерального значения в последние годы уделяется немало внимания, однако ситуация с региональными и местными магистралями заметно хуже. Несмотря на то, что значимость строительства качественных дорог до сельских населенных пунктов декларировали еще в 1980-е гг. [Хорев 1988], ситуация в целом остается неблагоприятной: по существующим оценкам, в России только 12% сельского населения обеспечены относительно благоприятной транспортной доступностью развитых центров (не более 2-х часов езды), а 40% сельского населения вообще лишены удобной доступности городов [Харитонов и др. 2023]. Понятно, что развитие дорожной сети требует немалых затрат, но без них обеспечить реальную освоенность российского пространства невозможно. Кроме того, научные исследования и государственная аналитика совершенно неправомерно обходят стороной вопрос автомобилизации сельского населения и создания условий для развития соответствующей инфраструктуры [Кузнецова 2022]. Статистические данные по регистрации автомобилей существуют и даже общедоступны, но их необходимо агрегировать в единую базу данных.

Развитие дорожного строительства и автомобилизация не только повысят доступность социальных услуг, но и увеличат масштабы маятниковой трудовой миграции, причем для жителей не только сельских населенных пунктов, но и малых городов. Для сельских жителей это особенно важно в связи с тем, что в условиях роста производительности труда в сельском хозяйстве нужно создавать возможности для альтернативной занятости. Приносящие доходы виды экономической деятельности могут развиваться и непосредственно в сельской местности (лесное и рыбное хозяйство, туризм, отдельные виды промышленного производства и др.), но скорее можно рассчитывать именно на маятниковую миграцию в близлежащие города (что даст стимул и для их развития). Важно указать, что только повышением транспортной доступности проблему не решить, необходимы и соответствующие шаги по подготовке кадров.

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4132-р Об утверждении методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий. Гарант. (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405920097/>).

Заключение

Таким образом, для предотвращения дальнейшего «сжатия» освоенного пространства необходимо проработать следующие вопросы:

- признание многодомности граждан с перераспределением бюджетных ресурсов в пользу территорий их проживания,
- целесообразность финансовой поддержки переезда населения из умирающих сел в близлежащие крупные сельские населенные пункты,
- поиск возможностей дальнейшего развития транспортной инфраструктуры и автомобилизации населения в сельской местности и малых городах, нацеленных на повышение доступности социальной инфраструктуры и расширение возможностей маятниковых миграции.

Следует также добавить, что для претворения этих предложений в жизнь необходимо усиливать значимость муниципальной проблематики в федеральной пространственной политике. Прежде всего, следует налаживать аналитический мониторинг пространственного развития в разрезе именно муниципальных образований, а не только субъектов РФ. Его можно осуществлять даже в разрезе относительно крупных территориальных единиц – городских округов и муниципальных округов/районов, но хотя бы с минимальным набором данных по населенным пунктам. Без этого невозможно обоснованно говорить ни о трендах пространственного развития (на сегодняшний день научные исследования вынужденно носят фрагментарный характер), ни о различиях между разными типами территорий.

Необходимо усиливать значимость информационно-аналитического и научного обеспечения решений в рамках пространственной политики. Данный вывод подтверждает и советский, и современный опыт. Зачастую негативные результаты связаны не столько с ошибочностью самих идей, сколько с их реальным воплощением на практике. В частности, об этом говорит пример «перспективных» и «неперспективных» сел, а также данная ошибка рискует повториться с нынешними опорными населенными пунктами, принципы определения которых необходимо пересмотреть.

Важно также усиливать значимость пространственной политики на уровне властей субъектов Федерации. На сегодняшний день пространственную политику не рассматривают как обязательную составляющую деятельности региональных органов власти (в отличие, например, от инвестиционной политики). Такая ситуация не оправдана, и пространственная политика в субъектах Федерации должна обсуждаться не меньше, чем федеральная пространственная политика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

- Аверкиева К.В. (2012) Инновации в сельском хозяйстве Нечерноземной зоны России как ответ на «сжатие пространства» // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 20–31.
- Averkieva K.V. (2012) Innovacii v sel'skom hozyaystve Nечерноземной зоны Rossii kak oтvet na "szhatie prostranstva" [Innovation in Agriculture of Non-Black Soil Zone of Russia as a Response to the Contraction of Space]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. no. 4, pp. 20–31. (In Russ.)
- Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. (1982) О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия Всесоюзного географического общества. Вып. 6. С. 533–538.
- Agafonov N.T., Lavrov S.B., Khorev B.S. (1982) O nekotoryh oshibochnyh koncepciyah v urbanistike [About Some Erroneous Concepts in Urbanism]. *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva*. issue 6, pp. 533–538. (In Russ.)

Алексеев А.И. (1988) Сельское расселение: концепции и реальность // Вопросы географии. Сб. 132. С. 144–182.

Alekseev A.I. (1988) Sel'skoe rasselenie: koncepcii i realnost' [Rural Settlement: Concepts and Reality]. *Voprosy Geografii*. no. 132, pp. 144–182. (In Russ.)

Безруков Л.А. (2006) Сибирские ТПК на рубеже веков: делимитация, значимость, эффективность // В: Пространственная организация хозяйства: ТПК или кластеры? М.: ИГРАН, МАРС. С. 120–131.

Bezrukov L.A. (2006) Sibirskie TPK na rubezhe vekov: delimitaciya, znachimost', effektivnost' [Siberian TPC at the Turn of the Century: Delimitation, Significance, Effectiveness]. In: *Prostranstvennaya organizaciya hozyajstva: TPK ili klastery?* Moscow: IGRAS, MARS. Pp. 120–131. (In Russ.)

Бочарников В.Н. (2016) Геопространство «дикой природы» // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 5. С. 165–175.

Bocharnikov V.N. (2016) Geoprostranstvo "dikoj prirody" [Geospatial "Wild Nature"]. *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov*. no. 5, pp. 165–175. (In Russ.)

Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019) Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. Т. 15. Вып. 3. С. 631–643. <https://doi.org/10.17059/2019-3-1>

Buchwald E.M., Kol'chugina A.V. (2019) Strategiya prostranstvennogo razvitiya i prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Spatial Development Strategy and National Security Priorities of the Russian Federation]. *Ekonomika regionov*. vol. 15, no. 3, pp. 631–643. <https://doi.org/10.17059/2019-3-1> (In Russ.)

Города запада России и Великая Отечественная война (2021) Смоленск: Смоленский государственный университет. 408 с.

Goroda zapada Rossii i Velikaya Otechestvennaya vojna [Cities of the West of Russia and the Great Patriotic War] (2021) Smolensk: Smolenskij gosudarstvenny universitet. 408 p. (In Russ.)

Дегтярев А.Я. (1980) Русская деревня в XV–XVII веках: Очерки истории сельского расселения. Л.: Изд-во ЛГУ. 176 с.

Deptyarev A.Ya. (1980) *Russkaya derevnya v XV–XVII vekax: Oчерki istorii sel'skogo rasseleniya* [The Russian Village in the XV–XVII Centuries: Essays on the History of Rural Settlement]. Leningrad: Izd-vo LGU. 176 p. (In Russ.)

Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2013) Различия в динамике численности населения по поселениям разного размера и статуса // Вопросы географии. Сб. 135. С. 82–107.

Karachurina L.B., Mkrтчyan N.V. (2013) Razlichiya v dinamike chislenosti naseleniya po poseleniyam raznogo razmera i statusa [Differences in Population Dynamics in Settlements of Different Size and Status]. *Voprosy geografii*. no. 135, pp. 82–107. (In Russ.)

Ковалёв С.А. (1962) География сельского расселения в перспективе // Вопросы географии. Вып. 57. С. 89–120.

Kovalyov S.A. (1962) Geografiya selskogo rasseleniya v perspektive [The Geography of Rural Settlement in the Future]. *Voprosy Geografii*. no. 57, pp. 89–120. (In Russ.)

Ковалёв С.А. (2013) Развитие сельского расселения в Советском Союзе // Вопросы географии. Вып. 135. С. 126–146.

Kovalyov S.A. (2013) Razvitie selskogo rasseleniya v Sovetskom Soyuze [Development of Rural Settlement in the Soviet Union]. *Voprosy geografii*. no. 135, pp. 126–146. (In Russ.)

Коломак Е.А., Крюков В.А., Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е., Суслов В.И., Суслов Н.И. (2018) Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии // Регион: экономика и социология. № 2. С. 264–287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212>

Kolomak E.A., Kryukov V.A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V.E., Suslov V.I., Suslov N.I. (2018) Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossii: ozhidaniya i realii [Strategy of Spatial Development of Russia: Expectations and Realities]. *Region: ekonomika i sociologia*. no. 2, pp. 264-287. <https://doi.org/10.15372/REG20180212> (In Russ.)

Колосовский Н.Н. (1932) Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М.–Л.: Соцэргиз. 136 с.

Kolosovskij N.N. (1932) *Budushhee Uralo-kuzneczkogo kombinata* [The Future of the Ural-Kuznetsk Combine]. Moscow-Leningrad: Socze'kgiz. 136 p. (In Russ.)

Королёв А.Ю. (2022) Ареалы ненаселенности: структура и функциональное зонирование на примере Северного Урала // Географический вестник. № 2. С. 153–165. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-2-153-165>

Korolyov A.Yu. (2022) Arealny nenaselyonnosti: struktura i funktsionalnoe zonirovaniye na primere Severnogo Urala [Areas of Unpopulation: Structure and Functional Zoning on the Example of the Northern Urals]. *Geograficheskiy vestnik*. no. 2, pp. 153-165. <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-2-153-165> (In Russ.)

Кузнецова О.В. (2022) Развитие муниципальной проблематики в государственной пространственной политике России // Региональные исследования. № 2. С. 16–24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2>

Kuznetsova O.V. (2022) Razvitiye municipal'noj problematiki v gosudarstvennoj prostranstvennoj politike Rossii [Development of Municipal Issues in the State Spatial Policy of Russia]. *Regional'nye issledovaniya*. no. 2, pp. 16–24. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-2> (In Russ.)

Лаженцев В.Н. (2021) Арктика и Север в контексте пространственного развития России // Экономика региона. Т. 17. Вып. 3. С. 737–754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.20213-2>

Lazhencev V. N. (2021) Arktika i Sever v kontekste prostranstvennogo razvitiya Rossii [The Arctic and the North in the Context of Russia's Spatial Development]. *Ekonomika regiona*. vol. 17, no. 3, pp. 737–754. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.20213-2> (In Russ.)

Лаппо Г.М. (2019) Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 3–23. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23>

Lappo G.M. (2019) Raznoobrazie gorodov kak faktor uspešnogo prostranstvennogo razvitiya Rossii [The Diversity of Cities as a Factor of Successful Spatial Development of Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. no. 4, pp. 3–23. <https://doi.org/10.31857/S2587-5566201943-23> (In Russ.)

Лексин В.Н. (2021) Системные основания и последствия территориально опосредованной депопуляции // Регион: Экономика и Социология. № 2. С. 101–134. <https://doi.org/10.15372/REG20210205>

Leksin V.N. (2021) Sistemnyye osnovaniya i posledstviya territorialno oposredovannoy depopulyatsii [Systemic Grounds and Consequences of Geographically Mediated Depopulation]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. no. 2, pp. 101–134. <https://doi.org/10.15372/REG20210205> (In Russ.)

Лола А.М. (2005) Основы градovedения и теории города (в российской интерпретации). М.: КомКнига. 324 с.

Lola A.M. (2005) *Osnovy gradovedeniya i teorii goroda (v rossijskoj interpretacii)* [Fundamentals of Urban Studies and Theory of the City (in Russian interpretation)]. Moscow: KomKniga. 324 p. (In Russ.)

Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. (2022) Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. Т. 30. № 2. С. 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939>

Markwart E., Kiseleva N.N., Sosnin D.P. (2022) Sistema opornyh naselennyh punktov kak mehanizmy upravleniya prostranstvennym razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The System of Central Settlements as a Management Tool: Theoretical and Practical Aspects]. *Vlast'*. vol. 30, no. 2, pp. 95–111. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939> (In Russ.)

Нефедова Т.Г. (2010) Сжатие внегородского освоенного пространства России – реальность, а не иллюзия // В: Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан. С. 128–144.

Nefedova T.G. (2010) Szhatie vnegorodskogo osvoennogo prostranstva Rossii – real'nost', a ne illyuziya [Compression of Russia's Non-urban Developed Space is a Reality, Not an Illusion]. In: *Szhatie social'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya*. Moscow: Eslan. Pp. 128–144. (In Russ.)

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020) Поляризация и сжатие освоенных пространств в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Том 7. № 2. С. 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>

Nefedova T.G., Trejvish A.I. (2020) Polyarizaciya i szhatie osvoennyh prostranstv v Centre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and Shrinkage of Active Space in the Core of Russia: Trends, Problems and Possible Solutions]. *Demographicheskoe obozrenie*. vol. 7, no. 2, pp. 31–53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138> (In Russ.)

Пивоваров Ю.Л. (1997) Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Известия РАН. Серия географическая. № 5. С. 114–124.

Pivovarov Yu.L. (1997) Szhatie intensivno ispol'zuemogo prostranstva: koncepciya makroregionalno-go razvitiya Rossii [Compression of Intensively Used Space: The Concept of Macro-regional Development of Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. no. 5, pp. 114–124. (In Russ.)

Смирнов И.П., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. (2020) Итоги проведения политики сселения малых деревень в Нечерноземье (на примере Тверской области) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. № 4. С. 105–115.

Smirnov I.P., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. (2020) Itogi provedeniya politiki sseleniya malyh der-even' v Nечernozem'e (na primere Tverskoj oblasti) [The Results of the Policy of Settlement of Small Villages in the Non-Chernozem Region (On the Example of the Tver Region)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. no. 4, pp. 105–115. (In Russ.)

Суций С.Я., Дружинин А.Г. (1994) Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦВШ. 576 с.

Sushhij S.Ya., Druzhinin A.G. (1994) *Ocherki geografii russkoj kultury* [Essays on the Geography of Russian Culture.]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNCzVSh. 576 p. (In Russ.)

Трейвиш А.И. (2010) «Сжатие пространства»: трактовки и модели // В: Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: Эслан. С. 16–31.

Trejvish A.I. (2010) “Szhatie prostranstva”: traktovki i modeli [“Compression of Space”: Interpretations and Models]. In: *Szhatie social'no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional'nogo razvitiya i praktike ego gosudarstvennogo regulirovaniya*. Moscow: Eslan. Pp. 16–31. (In Russ.)

Трейвиш А.И. (2009) Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 372 с.

Trejvish A.I. (2009) *Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. The Development of Russia Through the Eyes of a Country Scientist]. Moscow: Novyj Hronograf. 372 p. (In Russ.)

Ускова Т.В., Патракова С.С. (2021) Развитие сельских территорий в условиях пространственного сжатия северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 34–52. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.2>

Uskova T.V., Patrakova S.S. (2021) Razvitie sel'skih territorij v usloviyah prostranstvennogo szhatiya severnogo regiona [Rural Development in the Context of Spatial Compression of a Northern Region]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. vol. 14, no. 5, pp. 34–52. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.210.15838/esc.2021.5.77.2> (In Russ.)

Харитонов А.В., Бондарев Н.С., Бондарева Г.С. (2023) Формирование механизма устойчивого развития сельских территорий региона на основе сельских агломераций. Томск: Изд-во Том. ун-та. 362 с.

Kharitonov A.V., Bondarev N.S., Bondareva G.S. (2023) *Formirovanie mehanizma ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij regiona na osnove sel'skih aglomeracij* [Development of a Mechanism for Sustainable Development of Rural Areas of the Region on the Basis of Rural Agglomerations]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. 362 p. (In Russ.)

Хорев Б.С. (1988) Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. Вып. 132. С. 34–52.

Khorev B.S. (1988) Rekonstrukciya sel'skogo rasseleniya: novyj etap nauchno-tehnicheskoy politiki [Reconstruction of Rural Settlement: A New Stage of Scientific and Technical Policy]. *Voprosy geografii*. no. 132, pp. 34–52. (In Russ.)

Информация об авторах

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. Ведущий научный сотрудник Института географии РАН. Адрес: 119017, Москва, Старомонетный переулок, дом 29, стр. 4. E-mail: alexdru9@mail.ru

Кузнецова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Адрес: 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

About the authors

Alexander G. Druzhinin, Doctor of Sciences (Geography), Professor, Director, North Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems of the Southern Federal University. Address: 344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia. Leading Research Fellow, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. Address: 119017, 29, Staromonetnyi per., Moscow, Russia. E-mail: alexdru9@mail.ru

Olga V. Kuznetsova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences. Address: 117418, 47 Nakhimovsky prosp., Moscow, Russia. E-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.03.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.07.2024

Статья принята к публикации / Accepted: 01.08.2024